

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ася СЫРОДЕЕВА

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: h.puck@mail.ru

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ КУЛЬТУРЫ

Как психологически устоять нашему современнику под натиском коммуникационных баталий, разворачивающихся в общественном пространстве? И как не приносить в подобный тип противостояния свой вклад, пусть и выступая лишь в роли пассивного участника – наблюдателя, число которых в информационном мире столь значительно? Автор статьи связывает ответы на эти вопросы с повседневной работой личности по осмыслению и положительного, и отрицательного по результативности опыта. При этом культура, будучи по сути своей эклектична (М. Гаспаров), открыта разному, оказывается существенным подспорьем для такого рода усилий. Помощь культуры контрастирует с воздействием идеологической интенции, которую предложено рассматривать как достаточно распространённую в обществе установку, присущую далеко не только социальным субъектам «идеологического фронта». Особое внимание в статье уделяется выстраиванию личностью мостов между собственным внутренним и внешним мирами, где человек в помощь себе и Другим ведёт работу с многообразием как с целью и как со средством. Дифференцированный подход, терпимость, внимание к позитивному опыту служат поддержкой для нашего современника при решении как индивидуальных, так и общественных проблем, оказывающихся предметом дебатов, наполняющих пространство коммуникации.

Ключевые слова: культура, разнообразие, эклектика, вербальное противостояние, социальное давление, идеология, страх, терпимость, положительный и отрицательный опыт, открытость

В разнообразии человека – главная наша надежда.

Павел Лунгин

Прошлое, то есть то предпрошлое, которое я всю жизнь делал моим прошлым, было безумной смесью объективностей, выбранных для собственного субъективного употребления, и субъективностей, перенаряженных в объективности, для употребления их другими.

Александр Пятигорский

И вы найдёте в ней [книге] жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своём разнообразии.

Рэй Брэдбери

В ходе необходимого и часто желанного для человека обмена мнениями наш современник фактически оказывается «взят в кольцо» теми или иными формами вербального противостояния. «Режим перманентного дискуссионного скандала» [14, с. 34] наблюдается на геополитических просторах и в домовых чатах, в публикациях СМИ и на личных страницах соцсетей. Общественная среда заполнена напряжением неприятия чужой точки зрения. Кажется, ещё немного, и вербальная полемика то в одном, то в другом случае перерастёт в нечто серьёзное, необратимое. Находясь под давлением риторики почти военного времени, мы заражаемся ею и вносим собственный вклад не только в различные варианты несогласия, критики, но и реакции на «батальные сцены» в качестве наблюдающих зрителей, слушателей.

Стремясь не поддаться стремительному потоку вербальных столкновений, пусть и не надеясь переломить этот социальный вектор, имеет смысл разобраться в том, на что можем влиять, за что отвечаем лично. Ведь при всех объективных обстоятельствах обострения общественной неприязни на уровне коммуникации в конкретный период истории, активизации социальных субъектов, выбирающих такого рода взаимоотношения, существует ещё что-то родом из внутреннего мира каждого из нас, что подпитывает и враждебность, и порождаемые ею страхи.

Важно с самого начала уточнить, что речь пойдёт не о попытке снять или заретушировать вопрос об истоках проблем, являющихся предметом дискуссий, или об отказе от их конструктивного решения. Не будет рассматриваться и характер ведения спора (об этом уже доводилось высказываться, см.: [15, с. 91–137]). Цель статьи – привлечь внимание к сюжетам «второго уровня». Коль скоро в информационном мире процент косвенно участвующих, свидетелей, очень часто оказывается существенно выше

реальных участников, игнорировать эту категорию людей, их восприятие и реакцию на споры неоправданно.

* * *

При движении в указанном направлении стоит сделать шаг в сторону и задаться вопросом: какую роль в жизни человека играет социальное давление в самом общем виде?

Как известно, связка между давлением и последующим сопротивлением (от кинестетического до словесного) требуется человеку, плодотворна для его становления, развития. Она позволяет ощущать и осознавать себя как самость, видеть проблемы, искать способы их решения, менять положение дел к лучшему. Детская психология как дисциплина придаёт большое значение этой закономерности: кризисы трёх лет, подросткового возраста, когда ребёнок чувствителен к давлению внешнего мира и активно этому сопротивляется, свидетельствуют о готовности к переходу на очередной этап саморазвития. Более того, эта связка работает не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Так, санкции против России, разразившаяся пандемия подстегнули общественное внимание к экономическим, социальным проблемам и инициативам по их решению в отдалённых уголках страны, что способствует если не значительным реальным изменениям в регионах, то по крайней мере некоторым подвижкам. В свою очередь история предоставляет подтверждения того, что социальные формы давления могут поддерживать общественное развитие. Данный тезис нередко фигурирует, например, применительно к культурным прорывам, наблюдавшимся в СССР. Прозвучал он в том числе в авторской передаче Дмитрия Быкова «ЖЗЛ – Жалкая Замена Литературы» с участием Андрея Кончаловского, где оба собеседника отметили, что расцвет еврейской культуры нередко случался там и тогда, где и когда был выражен антисемитизм [2].

Тем не менее связка «давление – противодействие», как и многое в жизни, неоднозначна. Нельзя не заметить, что ныне нередко что-то опасное происходит как с коллективным, так и индивидуальным сознанием: всё сложнее поддаётся осмыслению объём дискурсивного противостояния, разлитого по миру. Как следствие, мы вроде становимся лучше осведомлены о переживаемых другими бедах, учимся откликаться на несправедливость, страдания, боль людей в разных концах планеты. Но при этом подобного рода знание нередко не только не дарит нам поддержку, но делает всё жёстче, непримиримее или, напротив, уязвимее. Не утихающие в общественном пространстве споры относительно возможных решений воспринимаются как *непрекращающаяся на уровне сознания война*, работают на *ожесточение и... страх*. Представители СМИ и другие субъекты повествования подчас блокируют для нас надежды на спокойное и конструктивное преодоление вербальных конфликтных ситуаций. В словесные

баталии вовлекаются не только отстаивающие собственные взгляды, но и пассивные участники, в которых летят не столько «бомбы-аргументы», сколько «осколки-страхи», порождённые ударами, наносимыми по иным «целям». Мы оказываемся свидетелями событий, разворачивающихся одновременно на двух полях боя: первичном (непосредственно «вербальное событие») и вторичном (разным образом «наблюдающая публика»). Калечат людей и там, и там. Общественные дискуссии (необходимые для демократического контекста) *отягощены* серьёзными побочными эффектами.

Похоже, дело не только в бессилии, слабости или отсутствии институтов и механизмов, которые способны влиять на социальные споры, но в масштабности последних (их множественности и почти одновременности, что обусловлено прозрачностью и проницаемостью современного мира). Лавинообразный рост случаев вербального противостояния перманентно накрывает нас перед экраном телевизора или компьютера, при обращении к близким или незнакомым людям. По разным поводам нашему современнику твердят: «Включи паранойю, если хочешь выжить и устоять». Кумулятивный эффект способствует возникновению чувства Угрозы с большой буквы. Многочисленные случаи непосредственной и косвенной полемики с разными Другими превращаются в *давление бесформенной Опасности*. Сознание не справляется с объёмами пугающей информации, защищаясь, оно вынуждено выставлять болезненно-агрессивную оборону. На что при этом имеет смысл надеяться, в чём искать опору?

Обычно уже применительно к детскому возрасту окружающие задаются вопросом, сколько, какого отрицательного опыта впускать в мир ребёнка. Так, родители решают, какие сказки слушать и читать, когда можно разрешать детям смотреть телевизор и держать в руках смартфон, со скольких лет позволять самостоятельно добираться до школы и как далеко от дома уходить с друзьями на прогулку. Постепенно сам человек определяет, какие СМИ и в каком объёме читать, смотреть, какими экстремальными видами спорта заниматься и какие рискованные финансовые операции предпринимать. Пандемия явила тактику «ограничения» и «самоограничения» в концентрированном виде, одновременно продемонстрировав, что страх, вызванный постоянно и отовсюду давящей Угрозой, сам способен стать опасностью и поводом для ответного давления. (Не в последнюю очередь по этой причине хватаются за оружие.) Реальность подвела нас к пониманию, что наряду с защитой от ошибок, обид и проблем не стоит забывать о важности прививки для сознания *работать с разным опытом – как позитивным, так и негативным* (в том числе собственным).

Никто, кроме каждого из нас, не может сказать, какое количество и какой информации мы в силах впустить в своё сознание, чтобы не произошла внутренняя разбалансировка. А тем более, чтобы дело не дошло до опасной черты, как в шокирующей истории девочки, которую практически с рождения пять лет держали в медицинском учреждении, потому что мама испугалась за состояние её здоровья в домашних условиях.

Страх за себя и за ребёнка, при котором никакие аргументы врачей не воспринимались матерью, оказался угрозой для детского развития. Ситуацию удалось разрешить только через привлечение широкого общественного внимания к проблеме со стороны Елены Альшанской и возглавляемого ею благотворительного фонда «Волонтеры детям-сиротам», а также Катерины Гордеевой [8].

Что помогает нашему современнику жить среди плотных и стремительных информационных потоков?¹ Подсказки относительно того, каким образом стоит дозировать, фильтровать, систематизировать коммуникационный материал, даёт культура, предполагающая разнообразие. Своей многогранностью, структурной разветвлённостью культура, определяемая М.Л. Гаспаровым как «всё, что люди делают, говорят и думают» [5, с. 125], «всё, что есть в обществе» [6, с. 190], показывает, что стоит не упрощать, а усложнять картину мира, не довольствоваться определённым и очевидным. Богатство культуры – наша страховка. Она подводит нас к пониманию, что важно знать разное и многое, иметь несколько точек опоры, сложную, не однолинейную стержневую систему. Идеи-фикс опасны тем, что мумифицируют мысль. Динамика, жизнь мысли возможна в среде многообразия. Хорошо известно, что знакомство с большим количеством Других, как и знание разных языков культуры (высокой и низкой, элитарной и массовой, мейнстрима и социальных маргиналий, сообществ малых и больших), само по себе не представляет угрозы. Зато опасно, когда нет привычки взаимодействовать с многообразием, тем более, когда оно неожиданно прорывается через ограждения собственного «единственно хорошего и правильного» мира.

* * *

Но разве мы не окутаны, не защищены культурой? Зачем напоминать себе о том, что всегда нас сопровождает? На самом деле, верность культуре в широком её понимании не такой уж общепризнанный принцип, а в сложные минуты жизни мы оказываемся особенно забывчивы к приоритетам.

Так, не стоит выпускать из поля зрения тот факт, что по контрасту с культурой, которая учит открытости разнообразию мира, в социальной реальности работает идеология, представляющая, по мнению М.Л. Гаспарова, «...комплекс идей, не самостоятельно выработанных человеком, а навязанных ему традицией или окружением» [6, с. 190]. Идеология нацелена сориентировать относительно некоего правильного (объявленного хорошим или представляющегося модным) «формата». Она «...по природе и своему назначению претендует на истинность и всегда навязывает себя отдельным индивидам. Как к этому ни относиться, но она действительно выступает способом стандартизации мышления в пределах сообщества

---

¹ Имеет смысл подчеркнуть, что речь идёт об информации внутри правового поля.

в целях его сохранения, будь то народ, государство, социальный строй», – отмечает А.А. Гусейнов [9, с. 242]. Но следствие такой функции противоречиво: помимо и нередко вместо интеграции идеология привносит в общество раскол, подталкивает возводить психологические, интеллектуальные, физические оборонительные стены, форпосты, сторониться реального многообразия, спекулировать на опасностях. Ведь претворяющими идеологическую интенцию в жизнь преследуется цель: власть и контроль. Идеология – «локальная культурная дифференциация социума по основанию “свой – чужой”» [3, с. 204], – отмечают Ф.Н. Блюхер и С.Л. Гурко.

В то время, как культура эклектично полиформатна, идеология унифицирующе узкоформатна. И эта узкоколейность нередко доводит конкретную идею до абсурдности. Интенцию идеологии выразительно представляют антиутопии и социальной, и научно-технической направленности. Так, герой Р. Брэдбери пытался сберечь «окружающий мир во всём своём многообразии» [4, с. 350], будучи заброшен в фантастическую перспективу, где провозглашались страшные цели: «Пусть люди станут похожи друг на друга как две капли воды; тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют своё ничтожество» [4, с. 273]; «Если проблема стала чересчур обременительной – в печку её. <...> Удобно. Гигиенично. Эстетично» [4, с. 323].

Живой культуре, как правило, удаётся в той или иной степени сглаживать, компенсировать воздействие идеологии. Когда же конкретным областям культуры становится сложно «отстоять» собственную независимость и сохранить внутренний демократизм, они начинают дрейфовать в направлении идеологии. Отдельные типы деятельности, даже во многом схожие между собой, могут по-разному пропитываться идеологией, а также при определённых обстоятельствах «заражать» идеологической предрасположенностью друг друга. Обратимся к иллюстрации Павла Лунгина.

«Кино всегда было штучным продуктом, несмотря на то, что и оно занималось зарабатыванием денег. Но телевидение навязывает принцип форматирования. Казалось бы, продукт получается тот же самый, на той же плёнке, но мы видим совершенно другой подход. Для телевидения главное, чтобы зритель не увидел ничего оригинального, не делал никаких усилий, и, включив телевизор, попал в привычную атмосферу...

Отсюда эта всеобщая тяга к стандарту, стремление делать похожие, однотипные вещи... <...> Этот “форматный” подход исключает реального человека, реальную психологию, реальные коллизии. Надо создать у телезрителя ощущение, что он это уже знает, успокоить его и – засунуть туда рекламу. И такая тенденция очень влияет на кино» [10].

Идеологии нередко удаётся скрестить страх с нежеланием видеть альтернативы, допускать сомнение, быть снисходительным. Она не приемлет социальную терпимость, утверждая, что лучший способ защиты – «оборона и последующее наступление». Не стоит недооценивать это особенно в современном контексте, описанном Э.Ю. Соловьёвым как «ситуация

воинствующего идеологизма, в которую забросило нас современное информационное противоборство» [14, с. 67]. И хотя коммуникационное пространство СМИ неправомерно окрашивать одним цветом, не замечать отмеченную философом тенденцию было бы более чем опрометчиво. «Информационное противоборство удивительно по своей совокупной динамике. Перед нами – привратная диалектика: борьба противоположностей, которая одновременно является их единством; отчуждённое и скрытое сотрудничество антагонистов, занятых “общим делом”, делом глобального заморачивания голов» [14, с. 22], – пишет Э.Ю. Соловьёв.

Поспешим сделать ещё одно уточнение. Разграничение идеологии и неидеологии – достаточно непростая задача, которая является предметом серьёзных обсуждений. Среди прочего, проблема подобной демаркации возникает по причине, отмеченной А.В. Рубцовым: «Один и тот же текст может тяготеть одновременно к разным полюсам, в том числе к идеологии и философии. Это вопрос не контента как такового, но интенции: догматизация “очевидности” делает текст идеологией, а установка на критику непромысливаемого то же самое высказывание превращает в философское» [13, с. 493].

Если история идеологических учений – во многом кривая побед и поражений, то история культуры скорее напоминает мозаику энциклопедии или библиотеки и подталкивает быть восприимчивым не столько к бою барабанов, мобилизующему на битву, видеть в окружающем многообразии не повод исключительно для противостояния, а материал взаимообогащения, комплементарного дополнения собственного жизненного коллажа.

Монокомпонентные ситуации, редуцирующие страховочный потенциал культуры, иногда создаются из вполне благих намерений. Хорошо известны досадные случаи оскомины от доброжелательного, например, домашнего, родительского влияния. Скучность доступного, пусть и безопасно-хорошего, проигрывает социальному разнообразию, оттеняющему в том числе «положительное», помогая увидеть его контуры, а значит, замечать и ценить. В чистой, идеально зачищенной ситуации потенциал светлого, доброго начинает слабеть, перестаёт быть поддержкой при выходе в реальный масштабный мир, заполненный разным. Хорошее в значительном количестве, лёгкой доступности и непрекращающееся не мотивирует на действие, усилие, без чего не бывает не только результатов, но и внутреннего здоровья. Можно радоваться солнечным дням. Но наступление пасмурной погоды дарит иное освещение, обогащает иным отношением к ставшему привычным. Человек богат не объявленным кем-то хорошим, а разным. Диверсификация спасает не только денежный капитал, вложения, но и страхует на жизненном пути.

Иногда обстоятельства складываются таким образом, что жизнь оказывается заполнена одним фактором (по причине болезни, душевной трагедии, событий, деформирующих многоплановый образ жизни). Тогда необходимы дополнительные усилия по разгерметизации сознания. При этом важно,

чтобы культурная (многоаспектная) поддержка была найдена, пусть и частичная, не где-то далеко, в абстрактном, умозрительном социальном пространстве, а в реальной среде пребывания. В этом случае менее вероятно, что сознание захлопнется в своей чистой, однокомпонентной иллюзии и таким образом станет легко уязвимо для стереотипов, упрощённых интерпретаций.

Предлагаемый культурой принцип двух и более ключей имеет прямое отношение и к общественной демократии, и к индивидуальной психологической страховке. Стоит обращать внимание на случаи, где данный принцип работает, пытаться использовать подобный опыт в собственной деятельности.

В частности, поддержку дают такие примеры реализации конструктивных типов взаимодействия, как полемика, двусторонняя критика, но не с целью уничтожения противника, а ради совместного поиска волнующего многих решения. Не менее важно понимание, что это не сугубо межличностный спор, а один из раундов продолжающегося общественного диспута.

В данном контексте хотелось бы обратить внимание на два интервью: первое было взято Юрием Дудем у Владимира Познера [11], второе – Ксенией Собчак у Андрея Кончаловского [1]. В обоих случаях присутствовала интрига-напряжение, связанная с тем, что общение происходило между яркими личностями, принадлежащими разным поколениям. С самого начала интервью было очевидно, что существует разрыв во взглядах участников и, учитывая их темперамент, каждый будет стремиться энергично, аргументированно представлять и отстаивать собственную позицию. В некотором смысле обе встречи стали примерами не только и не столько классических интервью, сколько бесед-споров. Принципиально, что в ходе данных интервью зритель оказывается свидетелем, как «отцы и дети» слушают и слышат другую сторону. «Дети» продемонстрировали уважение к профессиональному опыту и достижениям «отцов», а последние – органичную для них внутреннюю культуру, поделились багажом пережитого. Так зритель смог познакомиться с разными аргументами. «Соседство» при этом берёт верх над «войной». И это соответствует сути смыслов как таковых, которым свойственно конкурировать в содержании, не бывающем конечным, тем отличаясь от физического противостояния гладиаторов.

* * *

Руководствоваться принципом многообразия, присущим культуре, стоит не только в окружающей нас действительности, но и в собственном внутреннем мире. Более того, работа в этом пространстве имеет прямое отношение к комплексу обсуждаемых здесь проблем.

Внутренний мир по-своему сложен и часто непонятен нам самим. При этом отвечаем за него в первую очередь именно мы. Когда, перефокусируя собственную оптику, направляемся в его закоулки, растерянность и страх

также нередко дают о себе знать. Многое из того, что мы приписываем внешней реальности, «расцветает» внутри нас. И, возможно, прежде чем собираться «на войну» куда-то далеко, стоит озаботиться проблемами самопримирения.

Внутренний мир – то, где мы хозяева. Здесь имеет смысл предпринять попытки согласовать состояния физиологические и психологические, разнонаправленные интересы (тех групп, членами которых мы одновременно являемся), выстроить приоритеты и не отступать от намеченного. Мы не можем проигнорировать, отвернуться от части себя, напротив, вынуждены протягивать руку своим разным «Я», помогать им договориться. Набив шишки внутри собственного мира, признав, что баланс хрупок и стоит ценить всякий момент, когда он случается, лишь тогда спешить предъявлять претензии социальным Другим, переносить ответственность на них. Если нам удастся примирить себя с собой, свои разные ипостаси друг с другом, возможно, мы лучше будем понимать, как достичь решения схожих задач в общественном пространстве.

Но сказанное не надо воспринимать как призыв к внутренней самоизоляции. Ведь парадоксальным образом часто, не зная, как справиться с собой (ставшим Другим под действием Времени), с многоголосием собственного душевного мира, мы устремляемся в мир внешний, пытаемся там найти ответ. Многоликое окружение помогает увидеть себя в одном из зеркал, подобрать из разных ключей те, что будут работать в нашем случае, найти фрагменты мозаики, которые позволят собрать собственный жизненный узор.

Мы не можем существовать без внешней реальности, богатой культурным многообразием, мы вновь и вновь возвращаемся в неё за ответом чуть изменившимися после опыта работы со своим внутренним материалом, чуть более честными, возможно, чуть менее требовательными или требовательными в меру того, как справляемся сами с похожим узлом проблем. В подобном хождении через границу между внутренним и внешним мирами мы учимся балансировать, помогать себе и друг другу. Очень выразительно передает это рассказ-зарисовка Павла Федосова «Неправильный священник» – своего рода притча о Человеке.

Мне тогда было 19 лет. В личной жизни случилась катастрофа, мир рушился. Я метался по городу в отчаянных чувствах. Выпил одну или две бутылки пива, зашёл в метро и в вагоне на кольцевой линии увидел священника. Он посмотрел на меня, улыбнулся. Кажется, я зашёл в вагон на «Октябрьской», он на «Добрынинской». На «Павелецкой» я подошёл, рассказал о ситуации, спросил, как быть. На следующем перегоне он ответил и на «Таганской» вышел из вагона. На «Курской» я поднялся в город. Шёл мелкий дождь. Я чувствовал, что умываюсь. Он не сказал ничего особенного – сказал о любви, смирении, пригласил в храм. Но этот ответ утешил и вдохновил, помог принять и закрыть ситуацию разорванных отношений, не тянуть её, жить дальше.

Лет через 15 я увидел в Елоховском соборе похожего священника. Среди других отцов он выглядел немного странно – с длинными распущенными волосами, какой-то непохожий на остальных. После службы я догнал его на улице, назвал по имени. Это был он. Я напомнил нашу встречу, он, конечно, не помнил. Потом вдруг спросил: «А у тебя сигареты есть?». Узнав, что не курю, сказал «Молодец» и уехал.

Потом я встретил его на Соловках. Так вышло, что на обратном пути мы вместе плыли на большом пассажирском катере в Североморск. Поднялся сильный шторм, батюшка вёл себя странно – просил у пассажиров деньги, активно выпивал, потом сказал, что шторм его не волнует, он сегодня причастился и к смерти готов.

Потом я опять встретил его в Елоховском соборе. Я был с маленькими сыновьями. После службы мы встретились в кафе около храма. Батюшка снова просил денег и снова выпивал. А потом весело посмотрел на моего младшего сына и громко запел: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...»

Я стал искать о нём информацию, спрашивать у знакомых. Писали, что он пьёт, попрошайничает, ведёт себя неадекватно, вообще призывали его остерегаться. А я помнил самого себя – растерянного, выпившего, некрещёного, но почему-то подошедшего к незнакомому священнику в вагоне метро. Я помнил, как он мне помог и как он тогда сказал мне: «Ты знаешь, вот я сейчас смотрю на людей в этом вагоне и понимаю, что я хуже их всех» [16].

Герою помог справиться с внутренним рассогласованием совет, слово человека, повстречавшегося в многолюдном метро. Прочувствованный и отрефлексированный опыт складывается в жизненную позицию, личную социальную оптику. Это стало возможно не благодаря выбору чего-то однозначно правильного, а в ходе собственных переживаний и случая помощи, позволивших лучше понять смысл евангельской любви как восприимчивости, чуткости к разному, прощения и снисхождения к слабостям Другого.

В той мере, в какой осмысление опыта внутренней множественности приближает нас к пониманию множественности, наполняющей окружающий мир, оно помогает решать и общественные проблемы. Такой мотив слышится в фильме Павла Лунгина «Остров». Принципиально, что сам режиссёр помещает эту кинокартину в ряд других своих фильмов о процессах, происходящих в современной России [10]. Неустанная внутренняя работа со страшным военным экзистенциальным переживанием и поступком многие годы не даёт успокоения отцу Анатолию, хотя позволяет интуитивно нащупывать тот или иной совет для обращающихся к нему знакомых и незнакомых людей. Зритель по ходу фильма не только наблюдает за душевным и физическим усилием однажды оступившегося человека, но сам движется дорогой сопереживания. Вновь и вновь, в частое ненастье, на фоне Северного моря, по шатким мосткам катит гружённую углём

тележку (её колесо отсылает к колесу жизни) согбенный человек. Эти два образа (человек и предмет в его руках) даны то ближним, то дальним (когда остаётся лишь тонкий контур) планом. И если не каждый зритель обнаружит в своей судьбе подобный по глубине переживания повод для изнурительного повседневного труда и вопрошания, не каждый способен на столь упорную работу над собой, однако милосердие, сочувствие к усилиям Другого – существенный компонент межличностных отношений, значимая составляющая Человека, по П. Лунгину. Своим повествованием о кропотливом внутреннем усилии однажды оступившегося человека режиссёр призывает и в определённом смысле учит нас всматриваться в Другого. Фильм подсказывает возможный способ, доступный каждому и в помощь каждому, при решении социальных проблем.

«Культура – это наука человеческого взаимопонимания <...> На эклектике общей культуры зиждется плюрализм личных предпочтений» [7, с. 208], – отмечает М.Л. Гаспаров. И в продолжение этой мысли хотелось бы заметить, что человеку свойственно «курсировать» из мира внешнего во внутренний и затем обратно, работая с многообразием как с объектом и как со средством. Признание внутренней и внешней реальностей в их сложной многоликости помогает осмыслению неоднозначности в связанности и комплементарности, но не в смешении, в аналогии, но не тождественности. Пока мы предпринимаем усилия по работе с многообразием, страху сложно нас парализовать, в том числе страху, порождаемому давлением коммуникационного противостояния. Не обобщая проблемы, не склеивая их, а вглядываясь в них, дифференцируя, мы учимся жить с разным, быть чутким к его динамике, не останавливаться в усилиях вычленять из многоликого мира позитивные аспекты, делать на них ставку, использовать в качестве точек опоры, осмысливать собственное внутреннее движение.

Список литературы

1. Андрей Кончаловский: о «Дорогих товарищах!», русском народе и «Оскар» // Осторожно: Собчак, 08.02.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EImDCMrfC1M> (дата обращения: 24.09.2021).
2. Андрей Кончаловский: о новом фильме «Дорогие товарищи(!)», художник и власть // ЖЗЛ с Дмитрием Быковым. URL: https://www.youtube.com/watch?v=E2nlklnOdqI_ (дата обращения: 24.09.2021).
3. Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л. Священные войны секулярной эпохи // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 198–218.
4. Брэдли Р. 451° по Фаренгейту. М.: Эксмо, 2015. 896 с.
5. Гаспаров М.Л. Дороги культуры // Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. С. 123–131.

6. *Гаспаров М.Л.* Интеллигенция и революция // *Гаспаров М.Л.* Записки и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 187–198.
7. *Гаспаров М.Л.* Прошлое для будущего // *Гаспаров М.Л.* Записки и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 205–209.
8. *Гордеева К.* Пятилетняя девочка всю жизнь провела в частной клинике – и никогда её не покидала. Так решили родители // *Медуза*. 09.12.2019. URL: <https://meduza.io/feature/2019/12/09/pyatiletnaya-devochka-vsya-zhizn-provela-v-chastnoy-klinike-i-nikogda-ee-ne-pokidala-tak-reshili-roditeli?fbclid=IwAR35dsz5pmTffB601o94WK1gH4uUNcRH1Jphn1EJrzp8fisrZS3MUIcqrqg> (дата обращения: 24.09.2021).
9. *Гусейнов А.А.* Выступление на круглом столе «Философия и идеология; иллюзия деидеологизации» // *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 241–243.
10. Павел Лунгин: «Нашему обществу пора подумать о монастыре». Беседа с Оксаной Головки // *Фома*, 01.01.2008. URL: <https://foma.ru/pavel-lungin-nashemu-obshhestvu-pora-podumat-o-monastyre.html> (дата обращения: 24.09.2021).
11. Познер – о цензуре, страхе и Путине // *вДудь*, 18.10.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wg-ТМумYSwE> (дата обращения: 24.09.2021).
12. *Пятигорский А.* Вспомнишь странного человека... Роман. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 399 с.
13. *Рубцов А.В.* Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти. М.: Прогресс-Традиция, 2020. 816 с.
14. *Соловьёв Э.Ю.* Философия как критика идеологий // *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 21–72.
15. *Сыродеева А.А.* Социальная эклектика. М.: Наука – Вост. лит., 2021. 142 с.
16. *Федосов П.* Неправильный священник // *Федосов П.* Журнал пешехода. Вып. 84. 31.08.2021. URL: https://www.facebook.com/fedosovp/posts/6888790737813743?comment_id=6893840553975428&notif_id=1630510985230248&notif_t=feedback_reaction_generic&ref=notif (дата обращения: 24.09.2021).

SOCIAL ANTHROPOLOGY

Asya Syrodeeva

Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow.

RAS Institute of Philosophy.

Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;

e-mail: h.puck@mail.ru

THE LIFEBUOY OF CULTURE

How can our contemporaries psychologically stand firm under the pressure of communication battles in the public space? And how not to contribute to such type of confrontation, even if acting only as a passive participant – an observer, the number of whom in the information world is so significant? The author of the article connects the answers to these questions with the daily work of an individual to comprehend both positive and negative experience in terms of its effectiveness. The significant help for this kind of effort comes from culture since it is eclectic (M. Gasparov), open to the difference. The support of culture contrasts with the impact of ideological intentionality, which is considered to be a fairly common attitude in society, inherent not only to the social subjects of the “ideological front”. Particular attention is given to the building of bridges between one’s own inner and outer worlds, what allows a person to help himself/herself and the Others to work with diversity as the ends and means. A differentiated approach, tolerance, attention to positive experience support our contemporary in solving both individual and social problems debated in the space of communication.

Keywords: culture, diversity, eclecticism, verbal confrontation, social pressure, ideology, fear, tolerance, positive and negative experiences, openness

References

1. “Andrei Konchalovskii: o “Dorogikh tovarishchakh!”, russkom narode i “Oskare” [Andrei Konchalovsky: On the Film “Dear Comrades!”, the Russian People and the “Oscar”], *Ostorozhno: Sobchak* [Caution: Sobchak], 08.02.2021 [<https://www.youtube.com/watch?v=ElmDCMrfC1M>, accessed on 24.09.2021]. (In Russian)

2. “Andrei Konchalovskii: o novom fil’me “Dorogie tovarishchi(!)”, khudozhnik i vlast’” [Andrei Konchalovsky: On the New Film “Dear Comrades”, the Artist and the Authorities], *ZHZL s Dmitriem Bykovym* [ZHZZL with Dmitry Bykov]. [<https://www.youtube.com/watch?v=E2nIkInOdqI>, accessed on 24.09.2021]. (In Russian)

3. Blyukher, F.N., Gourko, S.L. “Svyashchennye voyny sekulyarnoi ehpokhi” [Holy Wars of the Secular Epoch], *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and Ideo-

logy: From Marx to Postmodernity], eds. A.A. Guseinov, A.V. Rubtsov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018, pp. 198–218. (In Russian)

4. Bradbury, R. *451° po Faringeitu* [Fahrenheit 451]. Moscow: Eksmo Publ., 2015. 896 pp. (In Russian)

5. Fedosov, P. “Nepравil’nyi svyashchennik” [Wrong Priest], in: P. Fedosov. *Zhurnal peshekhoda* [Journal of Pedestrian], Vol. 84, 31.08.2021 [https://www.facebook.com/fedosovp/posts/6888790737813743?comment_id=6893840553975428&notif_id=1630510985230248&notif_t=feedback_reaction_generic&ref=notif, accessed on 24.09.2021]. (In Russian)

6. Gasparov, M.L. “Dorogi kul’tury” [Roads of Culture], in: M.L. Gasparov. *Filologiya kak npravstvennost’* [Philology as Morality]. Moscow: Fortuna EL Publ., 2012, pp. 123–131. (In Russian)

7. Gasparov, M.L. “Intelligentsiya i revolyutsiya” [Intelligentsia and Revolution], in: M.L. Gasparov. *Zapiski i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 187–198. (In Russian)

8. Gasparov, M.L. “Proshloe dlya budushchego” [The Past for the Future], in: M.L. Gasparov. *Zapiski i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 205–209. (In Russian)

9. Gordeeva, K. “Pyatiletnyaya devochka vsyu zhizn’ provela v chastnoi klinike – I nikogda ee ne pokidala. Tak reshili roditeli” [The five-year-old girl spent her whole life in a private clinic – and never left it. So parents have decided], *Meduza*, 09.12.2019 [<https://meduza.io/feature/2019/12/09/pyatiletnyaya-devochka-vsuyu-zhizn-provela-v-chastnoy-klinike-i-nikogda-ee-ne-pokidala-tak-reshili-roditeli?fbclid=IwAR35dsz5pmTffB601o94WK1gH4uUNcRH1Jphn1EJrzp8fisirZS3MUIcqrqg>, accessed on 24.09.2021]. (In Russian)

10. Guseinov, A.A. “Vystuplenie na kruglom stole “Filosofiya i ideologiya; illyuziya de-ideologizatsii”” [Speech at the Round Table Discussion “Philosophy and Ideology; the Illusion of de-ideologization”], *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and Ideology: From Marx to Postmodernity], eds. A.A. Guseinov, A.V. Rubtsov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018, pp. 241–243. (In Russian)

11. “Pavel Lungin: “Nashemu obshchestvu pora podumat’ o monastyre”. Beseda s Oksanoi Golovko” [Pavel Lungin: “It’s time for our society to think about the monastery”. Conversation with Oksana Golovko], *Foma*, 01.01.2008 [<https://foma.ru/pavel-lungin-nashemu-obshhestvu-pora-podumat-o-monastyre.html>, accessed on 24.09.2021]. (In Russian)

12. Piatigorsky, A. *Vspomnish’ strannogo cheloveka... Roman* [Remember the Strange Person... Novel]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 399 pp. (In Russian)

13. “Pozner – o tsenzure, strakhe i Putine” [Pozner – on Censorship, Fear and Putin], *VDud’*, 18.10.2017 [<https://www.youtube.com/watch?v=wg-TMymYSwE>, accessed on 24.09.2021]. (In Russian)

14. Rubtsov, A.V. *Nartsiss v brone. Psikhoideologiya «grandioznogo Ya» v politike i vlasti* [Narcissus in Armor. Psycho-ideology of the “grandiose self” in politics and power]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2020. 816 pp. (In Russian)

15. Soloviev, E. Yu. “Filosofiya kak kritika ideologii” [Philosophy as Critique of Ideologies], *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and Ideology: From Marx to Postmodernity], eds. A.A. Guseinov, A.V. Rubtsov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018, pp. 21–72. (In Russian)

16. Syrodeeva, A.A. *Sotsial’naya ehklektika* [Social Eclecticism]. Moscow: Nauka – Vost. Lit. Publ., 2021. 142 pp. (In Russian)